

Кошку Серку семья Шаровых считала уникальной. Да кто же из людей не считает своих домашних и свои вещи самыми лучшими на свете. И ботинки лучше всех, и квартира, и сами не в пример другим хороши, а уж кошка тем более. Красавица, умница с тысячью и одним достоинством.

И судьба у неё, можно сказать, героическая. Умиравший одинокий старик Васильич, сосед по общему тамбуру в обычном доме-муравейнике, просил Шаровых взять кошку на довольствие после окончания своего земного пути. Шаровым и раньше приходилось ухаживать за Серкой в дни, когда старик или лежал в больнице, или лечился в санаториях. Мало ли разных житейских ситуаций, требующих помощи от посторонних, тем более когда силы на исходе. Потому-то Серка была хорошо знакома Шаровым.

Попала кошка к соседу случайно и, одновременно, закономерно по причине доброго его сердца. Серка привязалась к нему на дедовом садовом участке, сама напросилась в гости, да так и прикипела к стариковскому одинокому сердцу. Никто не знал, сколько Серке лет, да и она была молчуньей, от которой никто не слышал обычного и требовательного «мяу». Видимо, жизнь так жестко потрепала да потискала её в своих ежовых рукавицах, потрясла на ухабах да рытвинах, что приучила: молчание – золото.

Поначалу Серка нелегко переживала переход к новым хозяевам, к новым порядкам, но они, видимо, не очень-то сильно отличались от стариковских: Шаровы тоже были немолоды. И она свыклась, да и выбирать-то было не из чего. Хорошо, что не стала бездомной.

У Ивана и Марьи Шаровых квартира была большой, трёхкомнатной, с окнами на две стороны света: восток и запад, не то что у старика –

на мрачный север. Серке это обстоятельство пришлось весьма по вкусу, и, как только всходило солнце, она забиралась утром на застеклённую лоджию и, растянувшись на столе с заботливо и заблаговременно постеленном пушистом коврикe, нежилась под горячими лучами, прогревая свои немолодые косточки. К вечеру она перебиралась на балкон, на встроенный ларь, равный по высоте подоконнику. За стеклом, прямо под лапами Серки зияла пропасть семиэтажной высоты, пугавшей кошку. К каким только суровым условиям не привыкает живое существо. К любим! Самым что ни на есть сложным и неблагоприятным Привыкла и Серка.

По вечерам, когда Иван усаживался на диван почитать книгу, Серка тут же подбиралась к нему поближе, прижимаясь гибким телом к теплой ноге полюбившегося ей хозяина. Тот рукой поплотнее притягивал кошку к себе. Живое тянется к живому. Она не перечила, а переполнявшая её радость раздувала кошачью грудь: «Мур-мур-мур!»

– Ах, ты, Серка-мурка, мехова тужурка. Красота ты моя, красота!

Кошка прекрасно смотрелась в своей серо-серебристой шубке. «Британка»! Однотонная и гладкошёрстная, с пушистыми щеками, делавшими её небольшую мордочку округлой и представительной. Нравом она отличалась покладистым, если не сказать скромным, лишний раз на глаза не лезла, даже есть не просила. Казалось, могла целыми сутками не есть и не пить, а лежать на мягком стуле, задвинутом под стол. Самый укромный и спасительный её уголок в квартире. Когда проголодается, то зайдёт на кухню, посмотрит на свои мисочки-тарелочки с несвежей, по её мнению, едой, повернётся и молча выйдет. Вот тогда надо срочно готовить новое угощение: то ли голову куриную разделить, то ли сметанки свежей, качественной, положить, то ли говяжьей или куриной вырезки. Любила она побаловаться спинкой красной заморской рыбки, тёшу не любила, речную рыбу не признавала. Гурманка, одним словом. Известно, что бывшие бездомными кошки быстро зазнаются, как, впрочем, и люди. Недаром явлена миру такая мудрая поговорка: «Из грязи – в князи».

Лето Шаровы проводили в пригородной деревне, в собственном доме, доставшемся Ивану по наследству от родителей. Тут-то и выяснилась одна неприятная особенность Серки: она панически боялась переездов. За два-три дня до отъезда Мария выставляла на видное место контейнер для транспортировки кошек, чтоб, значит, Серка психологически подготовилась и свыклась с непреложным и обязательным действием. День отъезда кошачьей интуицией определялся безошибочно. Серка с утра пряталась в укромное место под столом. Достать и уговорить её мог только Иван. Видимо, жизнь у одинокого старика выработала в ней стойкую приязнь именно к мужчинам. В такси Серка металась в своём контейнере и от страха справляла большую и малую нужду, а если дорога была тряской, то её ко всему прочему и тошнило.

В деревне стерилизованная Серка гуляла только по саду-огороду, да и то с опаской, не смея появляться на улице. Такая её настороженность, если не сказать, трусость была для Шаровых удивительной: ведь прежний хозяин утверждал, что Серка была отличным и удачливым крысоловом. Но то ли стерилизация безжалостно сломала ей охотничий ген и уничтожила смелость, то ли годы изменили Серкину натуру, неизвестно. Шаровы видели лишь одно, с каждым годом переезд давался кошке всё труднее и труднее.

Так прошло три года. Серка, которую Иван называл любовно «животным с непропорционально большими глазами», стала членом семьи,

своеобразным ребёнком трёхлетнего возраста, не говорящим, но всё понимающим и различающим слова и просьбы. Иван, сидя в кресле, бывало, скажет:

– Серка, иди к папе на колени.

Кошка после краткого раздумья спрыгивала с дивана или с иного другого места и подходила, потягиваясь, к креслу. Тыкалась щекой в ногу хозяина, терлась, поднимала хвост трубой. Иван, изучив кошачьи привычки, говорил с усмешкой:

– Ну, хватит кобениться, – а сам в это время гладил её по спинке и ласково брал в руку длинный хвост. – Прыгай!

И ещё знал Иван, что глядеть на Серку в момент прыжка нельзя, она раздумает или будет ходить вокруг и около и ждать пока хозяин не отвернётся.

Лёгкий шорох. Иван косит глазом, а Серка уже на подлокотнике и, грациозно ступая, проходит на сдвинутые колени и ложится на них. Иван массирует кошке позвоночник, нежно почёсывает голову, а та на всю комнату поёт кошачью песню любви. Однако Серка не злоупотребляет временем хозяина: минут через пять она спрыгивает и идёт к хозяйке. Не ревнуй, мол, я и тебе уделю пять минут, и даже больше, смотря как будет нравиться мне твоя ласка. Деликатность Серки можно смело назвать уникальной. Если Иван подсаживался на диван к Марье и Серке, сидящей рядом, то кошка тут же уходила в свой укромный уголок. Чувствовала, что она третья лишняя. При виде подобной щепетильности Иван вспоминал где-то читанный-перечитанный рассказ о том, какой может быть кошка при одиноком мужчине. Пригласил как-то такой мужчина в себе домой женщину. Чайку попить да поточить лясы-балясы с известной сценой, что случается между мужчиной и женщиной под вечер. Встала мадам с постели, а кошка вцепилась в неё голую и стала с яростью раздирать когтями тело её белоснежное. Что тут было, что было! Словами не пересказать.

У них же всё было ладно и спокойно, но в последнее время навалилась на Серку непонятная хворь. Её стал душить странный кашель, напоминающий отрыжку. Серка словно хотела что-то вытолкнуть из своих внутренностей, давилась, натужно вытягивая светло-серую шею. Судороги пробегали вдоль живота и горла, а потом утихали. Серка сглатывала невидимый комок и успокаивалась до поры до времени. И дышать она стала как-то бурно и животом, подтягивающимся к позвоночнику при вдохе. Бывало, что она не ела вовсе по целым дням, видимо, оберегая себя от лишних судорожных порывов кашля. Лечилась голодом, как подсказывала ей кошачья натура. Кашель мог уменьшаться или даже исчезать на время, но потом возвращался, а аппетит Серки падал, что приводило хозяев в отчаяние.

Шаровы ходили к ветеринарам, заочно консультировались, так как таскать Серку по ветлечебницам было для неё и для Шаровых мукой мученической. Сдавали анализы, но никто толком не мог ничего сказать. С виду – здоровая кошка, худенькая, правда, слов нет, но других приступов не наблюдалось, по ночам играла с искусственными мышками, легко запрыгивала на метровую высоту. Иван да Марья решили оставить её в покое, всё равно Серка не глотала таблетки и до царапаний противилась уколам. От судьбы не уйдёшь – решили они. Пусть остаётся всё так, как есть. Все мы, в конце концов, смертны.

Пришла осенняя пора, а вместе с ней и проблема переезда в городскую квартиру, хотя деревенский дом Шаровых был благоустроен

не хуже городского жилья. Тут тебе и котёл с батареями по всему дому, и окна пластиковые, и туалет тёплый, но так повелось, что дачники, как перелётные птицы, к зиме тянутся в город. Да и, правду сказать, в занесённой снегом деревеньке трудно с продовольствием. Коренных жителей совсем не осталось, а без людей тоска зелёная. Умирает потихоньку да полегоньку деревня русская.

Переезд между тем по разным причинам затягивался и откладывался. То внучку дети привезут, чтобы посидеть с нею недельку-другую, то в саду обнаружится что-то несконченное. Семейные да хозяйственные проблемы нескончаемы, если не сказать – вечны. Дотянули до середины ноября. И вдруг:

– Сегодня поехали, и точка, – сказал решительно Иван утром.

Три дня до этого решения Ивана мучила какая-то непонятная тоска. На ум часто приходили мрачные мысли. При взгляде на тот или иной деревенский дом в памяти возникали не светлые эпизоды, связанные с ним, а всё больше тягостные, неприятные. О смерти в этих домах стариков, которых он застал и которые помнили его мальчонкой. Иван зримо представлял, как они сидели на завалинках и грелись в лучах полуденного солнца. Встречая его, возвращающегося из леса с грибами или ягодами, просили показать, что же он набрал и много ли. Стариковские взгляды были участливы и теплы, как те валенки, в которых грелись их больные ноги. Память Ивана, исколотая беспокойными думами, услужливо преподносила сцены последних дней этих стариков и старух, умиравших большей частью в одиночестве. Мама Ивана, тогда молодая и красивая, а ныне давно уж покойная, просила его зайти к тому или иному старику и поговорить, скрасить им разлуку с детьми. Они же разлетелись по городам и весям необъятной Руси в поисках счастья. Нашли ли они его? Неизвестно! Но так бывало, что и на похороны родителей не всегда появлялись. Как частенько говорили в деревне: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Где лучше? Кто-то может сказать об этом с уверенностью?

Смертная тоска давила душу Ивана, а он, страдая от неизвестности, говорил жене:

– Машк, что-то тоска меня гложет, а почему – сам не знаю.

– Пройдёт, – отвечала жена, вечно занятая своими делами.

Пройдёт? Конечно, пройдёт. Всё на свете проходит. Ивану не впервой приходилось испытывать эту обеспокоенность, невнятную и необъяснимую тревогу, тяжким грузом ложившуюся на сердце. И оно ныло, страдало. Так случалось перед какими-то зловещими то ли с ним – травмы, несчастные случаи, то ли с родственниками, то ли с заводчанами. Внутренний голос редко подводил Ивана. Что же случится на этот раз?

Чтобы как-то отвлечься Иван съездил на фестиваль русского смеха, проходивший в главном городке района, в котором сиротливо уютно сидела его полузаброшенная деревенька. Там среди приятелей и знакомых он весело смеялся над шутками острословов, пародистов и сатириков. Но на обратном пути тоска вновь им овладела, и дорога показалась вдвое длиннее.

И вот пришёл день отъезда. Марья на этот раз решила перевозить кошку в сумке, чтобы, по её мнению, было у Серки меньше места для метаний. Иван глубоко не вник в новое предложение жены, не разобрал по косточкам все за и против, как обычно делал в сложных случаях. «Отвело», – так говорили местные в случаях недосмотра...

Позавтракали. Оделись. Все основные вещи перевезли заранее. Серка сидела на стуле под столом и не реагировала на призывы Марии

совершить утренний моцион. Раньше, лишь только жена показывала кошке щётку для расчесывания, как Серка тут же спрыгивала со стула, и глаза её светились от предстоящего удовольствия.

– Иван, иди поймай Серку, она мне не даётся.

Муж, крихтя, опустился на колени перед столом и заглянул под него. Встретился с тревожным взглядом кошки и тяжело выдохнул:

– Серка, Серочка, девочка, иди ко мне. – Он протянул руку, нежно погладил кошку. Но, как только вытянул вперёд другую руку, Серка соскочила и забралась на батарею – второе своё любимое место. Иван пошёл к батарее с распростертыми руками, кошка опять забралась под стол. Иван убрал один из двух стульев, выдвинул стол. Серка опять перескочила на батарею. Тогда Иван заложил за спину руки и направился к кошке.

– Серочка, радость моя, видишь: я не хочу тебя брать. Давай бодаться?

И он прислонился лбом к голове кошки. Они часто так общались. Серка обнюхала его брови и нос и успокоилась.

– Это я, папа твой. Мы же переезжали не раз. Не бойся, – и осторожно взял её на руки.

Серка прильнула к нему и уткнулась под мышку, выражая полное доверие. Иван гладил и шептал ей ласковые и бессмысленные слова, какие говорят друг другу любящие люди. Серка вытянула из-под мышки голову и взглянула на Ивана с какой-то неземной обречённостью. И взгляд её, пришедший то ли из подземелья, то ли с небес, вонзил иглу в его и без того беспокойное сердце.

– Слушай, Машк, давай повезём Серку в контейнере. В нём она будет видеть нас.

– Семь пятниц на неделе?! – строго прикрикнула Марья.

– Давай я её на руках понесу, – предложил Иван, уже болея душой.

– Да ты что. Она же выпрыгнет и убежит, – безапелляционно возразила жена.

– Нет же, нет! Видишь, как она доверяет мне. – Иван и раньше предлагал Марье такой способ транспортировки любимой кошки, но жена всегда отвечала отказом.

Иван покорно положил любимицу в чёрную сумку, а жена почти наглухо застегнула молнию.

– Что ты делаешь? – возмутился Иван, – она же задохнётся.

– Хватит ей кислорода!

Тогда Иван, молча, сдвинул замок молнии, и в образовавшую дыру тотчас высунулась голова кошки.

– Закрой!

– Серочка, не волнуйся, всё будет хорошо.

Серка крутила головой, но вылезти не пыталась.

– Иди выноси багаж, я уже вызвала такси, – и жена назвала номер машины.

В ночь на воскресенье выпал первый снег. Иван смёл его рукой со скамейки и поставил сумки. «Ну вот, и снег не вовремя. Животные перемену погоды всегда воспринимают болезненно», – подумал с тревогой Иван. Внутренний голос толкал его вернуться в дом и взять кошку на руки, но сила разума опять остановила его: Мария тоже любит кошку. Не враг же она ей! Иван глубоко вздохнул, набрал в лёгкие свежего сырого воздуха и оглянулся вокруг. Вблизи ни одного человеческого следа. Деревня, кажется, спала, укутанная белым покрывалом. «Скорее не покрывалом, а саваном», – вдруг подумалось Ивану. Только над двумя-тремя избами курился дымок, это дачники приехали в воскресенье

проверить своё хозяйство. Подъехала легковая автомашина с нужным номером. Иван открыл багажник и разместил в нём свой скарб. Тут же вышла жена с двумя сумками, в одной из которых сидела Серка.

– Ну что ты её закрыла, – упрекнул Иван жену.

– Иначе выскочит, – с нервическими нотками в голосе ответила Мария и добавила, – кошки живучи.

Интуиция вновь ворохнула Ивану душу: сесть бы рядом с кошкой, но жена уже открывала заднюю дверь, и... Иван помог им разместиться.

– Держи сумку на коленях, – предупредил он ещё раз жену, – да открой шире сумку, пусть смотрит на тебя, на меня.

– Ладно, – односложно жена, а муж не понял, согласна ли она с ним.

Оплывшее с похмелья щетинистое лицо молодого водителя неприятно поразило Ивана. От его вида тоска усилилась. Где-то на полпути раздался сердитый окрик жены:

– Серка, нельзя! Нельзя Серка!

– Ну что ты как грубо с ней говоришь, – осуждающе сказал Иван, догадываясь, что она заталкивает Серку в сумку.

Он закрутился, пытаясь повернуться и посмотреть, как они там сзади, но высокое сиденье мешало ему это сделать. Думал даже снять пристёгнутый ремень, но установившаяся тишина успокоила его. Через пару минут молчание показалось Ивану зловещим, и он спросил:

– Маша, посмотри, что там с Серкой.

Молчание.

– Ваня! Серка умерла!

– Что?! – Вся боль, вся неизвестная тоска последних трёх суток выплеснулась в этом крике. – Что?!

После него Иван оцепенел и сидел истуканом до самого дома. Память услужливо высветила: под Рождество он почувствовал себя плохо и стал кашлять, как Серка. Он уж два года стоял на очереди в кардиоцентре на проведение коронарографии с установкой стента, но из центра не звонили, как обещали, да и сам он не торопил процесс. Тянул, откладывая. Но тут, как говорится, жареный петух клюнул в одно уязвимое место, и Иван зашевелился. После того как поставили пружинку на полностью забитую одну из коронарных артерий и ситуация прояснилась, Маша призналась Ивану, что на святки гадала на него и Серку. Вышло так, что он будет жить, а Серка в этом году умрёт. Иван не верил гаданиям...

Он мысленно гнал шофёра: может, жена ошиблась, и Серка жива. Они вошли в квартиру. Иван, не раздеваясь, бросился к чёрной, чёртовой сумке и вытащил Серку. Она, казалось, потянулась, вытянулась, повела глазами, и Иван, обманываясь, крикнул с безумной надеждой:

– Да она жива!

Но... нет. Нет!

Иван, не владея собой, прижал кошку к груди и заплакал:

– Серка, Серочка, моя милая девочка! Погубил я тебя, погубил. Прости меня, прости неразумного. Милка ты моя нежная.

Крупный, высокий мужчина, бывший в юности спортсменом-разрядником по нескольким видам спорта, сорок лет руководивший сотнями людей на большом заводе, плакал, как дитя малое. Он ходил из комнаты в комнату, прижимая кошку к широкой груди, а из неё лились стоны.

– Прости меня, Серка! Не уберёг я тебя! Обманул. Безгрешная ты душа, не то что у нас, у людей. Болела моя душа о тебе, ох, как болела, но не послушал я голос её. Погубил я тебя.

Мария стояла в прихожей, не смея пересечься взглядами с мужем, но ему не хотелось смотреть на кого бы то ни было. На всех, кроме кошки, уже мёртвой.

– Дай белую наволочку, – приказал Иван жене, – да принеси щётку её любимую.

Он положил кошку на стол, на наволочку, и тщательно вычесал её мех, уже потерявший прежний блеск. Посмотрел напоследок в глаза, углядел в них укоризну, погладил худенькую мордочку. Уши стояли, как и прежде, торчком, особенно большими и заметными стали усы и брови, торчащие, как у неухоженного старика. Глаза уже не были непропорционально большими. Смерть уравнивала всё и всех. Иван, словно автомат или некий счётчик, отмечал все детали, и они ложились на сердце тяжелым грузом вины. Завернул свою погасшую радость в ткань.

– Вызывай такси. Возвращаемся в деревню.

– Зачем?

– Серку я буду хоронить в саду.

Иван долбил промёрзшую землю, а снег, словно прощаясь, валил и валил, покрывая чёрные комья белым саваном. Ивану было жутко и обидно, что сердце Серки разорвалось от страха в черной, непроглядной сумке под грубые крики, а не под ласковые увещевания, которые она так любила слушать. Слушать и воспринимать их благодарным сердцем. Да кто же не способен понять ласковые слова и звуки? Он корил, да что корил – проклинал себя за очередное неприятие внутреннего голоса, предупреждавшего его. «Ну, почему мы не слушаемся его? Почему?» – десятки раз спрашивал он себя и не мог дать внятного ответа. Ведь человек такое же животное, как вот эта кошка, чья интуиция выше разума. Разум! Разум? Глуп человек и самонадеян в большей своей части, иначе не наступал бы бесконечно на грабли своей глупости. А лоб у людей крепкий, крепкий. Непробиваемый!

Иван вспомнил, как Серка доверчиво прижалась к нему, ища защиты в тот последний миг перед поездкой. Вспомнил её страдальческий взгляд. И слёзы вновь побежали из глаз, как у обиженного острой несправедливостью мальчишки. Ведь обещал старику Васильевичу, что сбережёт кошку, обещал себе, обещал Серке. Не выполнил. И нет ему прощения.

Жизнь коротка. Особенно ей плохо от бездушия и равнодушия. Иван знает, что мир устроен по законам жестокого и циничного разума, от него людям с тонкой и ранимой душой тяжело живётся на белом свете. И уходят они рано. Мгновенен переход в небытие. Раз! И готово! Нет живого существа. Каждый день на Земле умирают сотни тысяч, если не миллионы людей. Но не болит о них души Ивана и Марьи, потому что они не соприкасались с ними. Душа ноет только о тех, с кем сроднилась при жизни. Иван верит, что у каждого животного есть душа. Бездомной кошке Серке душевные люди даровали несколько лет счастливой жизни. И кто об этом знает? Кто узнает, что Иван и Марья жили счастливо? Да, и надо ли, чтобы кто-то об этом знал? Их души об этом только знают. И довольны?! Точно лишь одно: нет у человека ничего, кроме души.

Ослепительно белым становился небольшой черный холмик, укрываемый холодным снегом. Сиротами глядели на него Иван да Марья.